
ОРИГИНАЛЬНЫЕ
СТАТЬИ

УДК 630*: 581.524.41

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛЕСНОГО ПОКРОВА
ЮГА ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В XVII–XIX вв.
В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕЕ ОСВОЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ**

© 2012 г. М. А. Харитonenков

*Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН
117810 Москва, ул. Профсоюзная, 84/32
E-mail: kharitonov.ma@gmail.com
Поступила в редакцию 20.10.2011 г.*

В статье представлены результаты сопряженного хронологического анализа имеющихся исторических материалов и сведений о состоянии растительности юга Западно-Сибирской равнины в XVII–XIX вв., проведенного с целью выявления основных форм антропогенной трансформации лесного покрова. В процессе исследования реконструирован облик лесного покрова, предшествующий земледельческому освоению. Выявлены основные изменения в составе и структуре лесов, синхронные этому процессу. Проанализированы основные особенности расселения и природопользования населения. Полученные результаты уточняют представления о воздействии земледельческого освоения на состав и структуру лесного покрова юга Западной Сибири с позиций современной лесной экологии.

Традиционное природопользование, антропогенная трансформация растительного покрова, Западно-Сибирская равнина, земледельческое освоение лесов.

Современные достижения исторической экологии [48, 49] показывают огромную роль традиционного природопользования в структуре и динамике лесного покрова самых разных регионов. Для юга Западной Сибири (Нижнее Притоболье, Среднее Прииртышье, Верхнее Приобье) время наиболее интенсивного воздействия на лесной покров – период земледельческого освоения (XVII–XIX вв.). Несмотря на выход в свет ряда публикаций, освещающих некоторые экологические аспекты аграрного освоения данного региона [7, 14, 34, 41], комплексной оценки антропогенного воздействия в XVII–XIX вв. до настоящего времени проведено не было. Кроме того, среди всего спектра последствий традиционного аграрного природопользования необходимо выделение ведущих форм антропогенной трансформации лесного покрова в этот период с позиций современной лесной экологии.

Цель статьи – провести сопряженный хронологический анализ имеющихся исторических материалов и сведений о состоянии растительного покрова и выявить основные формы антропогенной трансформации лесного покрова юга Западно-Сибирской равнины в XVII–XIX вв. н.э.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ

Материал собирали и анализировали по трем историко-географическим районам, располагающимся субширотно на юге Западно-Сибирской равнины и охватывающим часть современной южной тайги, подтайгу и лесостепь:

1) Нижнее Притоболье (бассейн р. Тобол в пределах Тюменской и северной окраины Курганской обл.);

2) Среднее Прииртышье (Ишимская равнина, запад Барабинской равнины, в пределах восточной части Тюменской и западной части Новосибирской обл.);

3) Верхнее Приобье (его равнинная часть – часть бассейна р. Обь, лежащая южнее устья р. Чулым, и восток Барабинской равнины, в пределах восточной части Новосибирской и юга Томской обл.).

Для выполнения поставленной цели были собраны и систематизированы данные палинологического анализа [5, 6, 26, 30, 33, 35, 43], позволяющие в региональном масштабе судить об изменениях лесистости и состава древесных ви-

дов. Кроме того, привлекали весьма ценные, но отрывочные записи из путевых дневников и отчетов путешественников-натуралистов [31]. Для финального отрезка периода (конец XIX в.) использовали достаточно целостные описания растительности, проведенные профессиональными биологами [11, 23, 28, 34, 37, 39, 40, 46, 47]. Также использован картографический материал XIX в., отражающий особенности растительного покрова [17].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Реконструкция облика растительного покрова. На территории юга Западно-Сибирской равнины земледельческому освоению подверглись следующие современные зоны и подзоны: южная кромка южной тайги, подтайга, лесостепь, степь в пределах юга Тюменской, Омской, Новосибирской и юга Томской обл. Наши исследования показывают, что эти территории на протяжении длительного времени в целом находились в зоне стабильно низкой антропогенной нагрузки. Регулярные военные действия зачастую приводили к запустению территорий и распаду сложившихся территориально-хозяйственных комплексов. Одним из таких периодов были XVI – первая половина XVII вв., то есть время между началом междоусобных войн в Сибирском ханстве и первыми массовыми переселениями сюда русских крестьян. В этот период растительный покров развивался преимущественно по демулационному пути. Судя по палинологическим спектрам [5, 6, 26, 30, 33, 35, 43], к началу земледельческого освоения русским населением юга Западной Сибири нынешняя южно-лесная зона (южная тайга и подтайга) представляла собой преимущественно темнохвойно-березовую тайгу с сосновыми лесами на песчаных террасах и небольшими лугами антропогенного происхождения. В лесах значительное участие принимала сосна сибирская (*Pinus sibirica*), ель сибирская (*Picea obovata*), пихта сибирская (*Abies sibirica*), лиственница сибирская (*Larix sibirica*), липа сердцевидная (*Tilia cordata*), встречался вяз (*Ulmus* sp.). По набору древесных видов леса южной тайги и подтайги не различались. Нынешняя лесостепная зона физиономически выглядела как осветленные березово-осиновые леса (*Betula pendula* и *Populus tremula*), в которых присутствовали темнохвойные и широколиственные древесные виды, перемежающиеся с крупными лугостепными участками. На террасах с легкими почвами стабильно существовали сосновые леса (*Pinus silvestris*). Южная граница

лесостепи находилась за пределами Западно-Сибирской равнины.

Обобщение результатов анализов палинологических спектров и исторических данных позволило выявить следующие особенности развития растительного покрова изучаемой территории. В целом, данные для этого времени свидетельствуют о масштабной деградации лесного покрова, проявившейся в сокращении лесистости территории, и в практически полном исчезновении на большей части заселяемой территории популяций темнохвойных и широколиственных древесных видов.

В XVI–XVIII вв. в части южнотаежной зоны, находящейся в стороне от основных векторов крестьянской активности, в основном по правобережью р. Иртыш через северную Барабу к Томскому Приобью, продолжали существовать южнотаежные леса с относительно высокой долей темнохвойных и широколиственных видов. Однако к концу XIX в. участие темнохвойных и широколиственных видов деревьев резко сокращается, их замещает береза. В сильно заболоченной южнотаежной части Тобольского уезда по левобережью Иртыша эти процессы проявились, по-видимому, значительно раньше.

Те же тенденции характерны и для подтаежной зоны. Отличие состоит в том, что здесь к моменту освоения территории русским населением ее лесистость, а также роль темнохвойных и широколиственных видов были меньше, чем к северу. На протяжении XVI–XVIII вв. на большей части подтаежной зоны, расположенной на территории Ишимской и особенно Барабинской равнин (где подтайга по-прежнему представляла собой типичную южную тайгу) еще сохранялись крупные участки лесов со значительным участием темнохвойных и широколиственных древесных пород. На территории подтайги Нижнего Притоболья их уже замещали крупные массивы сосновых лесов, однако доминирующие позиции занимала береза. С середины XIX до начала XX в. на большей части подтайги исчезли практически все древесные виды, кроме мелколиственных, резко расширилась площадь открытых участков. На правобережье Тары, в северной Барабе и в Обь-Томском междуречье, относимых к подтаежной зоне [15], мелколиственные леса стали доминировать лишь в конце XIX в.

Растительность лесостепной зоны имела практически тот же облик и развивалась по тому же сценарию, что и подтаежная. Отличие состояло лишь в большей доле по площади лугово-степных участков. Здесь также вплоть до XVIII в.

(для Барабы, по-видимому, до начала XIX в.) среди доминирующих высокополнотных березняков обычными были лесные массивы с господством хвойных (в т.ч. темнохвойных – ели, кедра) видов деревьев. Лесистость территории, начиная с XIX в., сокращалась в этой зоне значительно быстрее, чем в подтайге.

Особенности расселения и хозяйства. В XVII в. земледельческое освоение Западной Сибири шло по крупным рекам с запада на восток в южной части таежной зоны, лишь частично захватывая лесостепь. Заселение территории в XVII в. было обусловлено не ее земледельческим потенциалом, как в европейской России, а сложной военно-политической обстановкой в степи и лесостепи. Только в 1740–1750-х гг. планомерное строительство оборонительных укреплений положило начало экономическому освоению лесостепных территорий [20].

Наиболее масштабные переселения крестьян из европейской части страны в Западную Сибирь проходили во второй половине XIX в. [16, 19].

До конца XIX в. в Западной Сибири господствовала одна сложная экстенсивная система земледелия – залежно-паровая. Она заключалась в комбинировании постоянной трехпольной пашни на ближайших к селениям удобряемых землях (т.н. десятинная “государева” пашня) с периодическими перелогам на дальних, неудобряемых (“собинная” пашня), то и другое – в одном в том же хозяйстве [27, 44]. Многочисленные дальние пашни (“заимки”) засевались ежегодно без перемен в течение 8–10 лет, затем забрасывались на 20–30 лет для восстановления плодородия, а в обработку пускались новоосвоенные территории. Такая система земледелия требовала постоянного наличия участков, подготовленных для замены и оставленных в залежь. Общая площадь таких участков в несколько раз превышала площадь ежегодного посева и пара [20, 45]. Заимки распространялись на десятки километров, поскольку огромные площади земли, необходимые для экстенсивной системы, не позволяли устраивать их ближе и использовались не только под распашку, но и под сенокосы [27, 44].

Методика подготовки земли под пашню в лесной зоне отличалась от раннесредневековой европейской. Переселенцы, освоившие к тому времени сложные приемы земледелия, не спешили использовать примитивную систему подсечно-огневого земледелия. Расчистка “с нуля” западносибирской тайги была слишком трудоемкой для малочисленных семей начального периода колонизации [20]. Крестьяне различными путя-

ми – покупкой, арендой, насильственным захватом – занимали скотоводческие угодья коренного населения [10], представлявшие собой разной величины лесные поляны (“елани”), которые длительное время поддерживались татарами путем сенокосения и регулярного выпаса скота. Однако по мере освоения “еланей”, в конце XVII – начале XVIII в., с ростом населения в тайге начали выкорчевывать лес (формировать “росчисти”) [10, 36, 45]. В результате этих мер расширялись бывшие “елани” и расчищались под пашню новые лесные участки. К концу XIX в. в лесной зоне все земли, возможные для ведения хозяйства, были заняты и в значительной степени истощены, и по юго-лесной зоне сложилась полоса “господства навозного удобрения” [18, с. 24].

Несколько иначе происходило развитие залежно-паровой системы земледелия к югу, в лесостепной зоне. Здесь существовал значительно больший резерв земель, для которых не требовалась трудоемкая расчистка лесов. По этой причине здесь значительно дольше продержалась как простая переложная, так и залежно-паровая системы земледелия (переход от первой ко второй произошел лишь в 1840–1850-е гг. [25]). Считается, что постоянная сеть сезонных селений на заимках представляла собой не только механизм для колонизации территории, но и стабильную систему расселения [44].

С XVIII в. одной из важнейших отраслей крестьянского хозяйства стало скотоводство. Средняя обеспеченность скотом в западносибирских губерниях в XVIII в. была значительно выше, чем в европейской части страны [41]. Скотоводство было особенно развито в лесостепных районах Западной Сибири [14]. В результате интенсивного выпаса многочисленных стад скота вблизи селений возникали обширные пастбища. В огромном количестве заготавливали сено [41]. Самую многочисленную категорию сенокосных угодий составляли “дубравные”, или “колочные”, лесные угодья. Они располагались по опушкам лесов, по лесным проталинам или в самом лесу [3].

Наиболее распространенным методом улучшения как пастбищ, так и полей (выжигали старую стернь и сорняки) являлось их опаливание (“сибирский пал”) [10]. Эти палы организовывались сразу несколькими деревнями одновременно, были огромны по своим площадям и длились по несколько дней [29].

Развитие торгово-рыночных отношений на новый уровень подняло использование лесных ресурсов Сибири. Прежде всего, лес использовался для строительства и на отопление. Повсемест-

но во всей лесной полосе региона крестьяне занимались производством дегтя, смолокурением, были развиты рогожно-мочальный, корзиночно-туесный промыслы и т.д. Много заготавливалось дубильного материала (талового, ивового и хвойного корья) для кожевенной промышленности [7, 13, 41]. Рубка леса повсеместно носила характер выборочной на прииск [46].

Выделялось в деревообработке “крестьянское судостроение”, как по сложности и масштабности производства, так и по объемам потребляемого леса. Суда строились из лиственничного, соснового и кедрового леса [27, 41].

Таким образом, в орбиту природопользования крестьянского населения Западно-Сибирской равнины леса вовлекались посредством земледелия, скотоводства и торгово-рыночных отношений.

Анализ исторических материалов позволил установить, что основными формами антропогенной трансформации лесного покрова юга Западно-Сибирской равнины были: 1) пожары, закономерным образом учащающиеся при заселении территории носителями относительно оседлого производящего хозяйства; 2) вырубка лесов под сельскохозяйственные земли и на нужды дополнительных отраслей хозяйства; 3) лесной выпас и сенокосение.

Антропогенно инициированные пожары приняты с приходом русских невиданный ранее размах. По мере колонизации Сибири площадь выгоревших лесов увеличивалась с каждым годом [22]. Помимо общего повышения пожароопасности территорий вследствие роста численности населения и увеличения числа случайных пожаров, в активизации пирогенного фактора основную роль играли способы ведения хозяйства.

Сам тип сельского хозяйства, вовлекавший в оборот огромные территории земель в качестве залежных, расположенных на удаленных от поселения заимках, обуславливал существование множества сознательно инициированных одной хозяйственной ячейкой источников возгорания.

Огонь использовался на всех этапах. Во-первых, на подготовительном – при расчистке леса под сельскохозяйственные угодья. Естественно, что при технике пожаротушения тех лет у крестьян не было ни возможностей, ни желания, останавливать лесные пожары, инициированные выжиганием участков под посев. В лесной полосе уничтожение лесов под сельскохозяйственные угодья приняло массовый характер уже с конца XVII в., а в лесостепной полосе – во второй половине XIX в. [34].

Во-вторых, огонь интенсивно использовался крестьянами для опаливания сельскохозяйственных угодий. Этот метод активно используется до сих пор. Так, в настоящее время в Сибири относительное число пожаров от сельскохозяйственных палов составляет 30–50% от их общего количества [2]. На огромную роль палов в возникновении длительных лесных пожаров указывали множество исследователей [1, 8, 32, 46 и др.]. Наиболее масштабные пожары на колонизируемой территории стали фиксироваться с конца XVII в. [8, 29, 34, 38, 40, 46, 47], с активизацией расселения крестьян внутри Сибири. Значительно увеличилась частота и повторяемость пожаров и резко снизились средние интервалы между ними [42]. Особенно обострилась проблема пожаров в XIX в. Анализ частоты лесных пожаров за последние 400 лет в лесах Средней и Западной Сибири показал, что до 1800 г. в центральных и южных районах пожары наблюдались 4–5 раз в столетие, а затем – почти каждое десятилетие и чаще [9]. Тогда же отмечены особенно обширные и длительные пожары, продолжавшиеся по нескольку лет и охватывавшие территорию в несколько десятков миллионов гектаров [21, 40].

Таким образом, частые и мощные пожары охватывали лесные массивы как в лесостепной, так и в южнолесной зоне. Причиной этого была преимущественно хозяйственная деятельность крестьян. Непрерывные низовые (часто переходящие в верховые) пожары были основной причиной сокращения лесистости лесостепи, а также искоренения в лесостепной зоне малоустойчивых к такому типу воздействия темнохвойных и широколиственных древесных пород. Учащению пожаров в лесостепи могла способствовать и антропогенно инициированная обезлесиванием аридизация климата, проявлявшаяся в участившихся засухах.

В лесной зоне пожары были реже вследствие меньшей заселенности, но гораздо более высокой интенсивности (верховые), что вело к повсеместному замещению темнохвойных и широколиственных видов мелколиственными, в первую очередь березой.

Помимо резкого усиления пожароопасности, с приходом русских поселенцев, вырубка лесов на нужды не только строительства, но и разнообразных отраслей хозяйства впервые приобрела региональный масштаб. Для строительства уничтожались все виды деревьев, которые произрастали в округе, либо которые было удобно завозить по рекам [14]. С приобретением лесом товарной ценности приисковые крестьянские рубки приобрели, особенно к концу XIX в., истребительный

характер [4]. Развитие крестьянской деревообработки сопровождалось целенаправленным уничтожением популяций наиболее редких и ценных, с точки зрения крестьянина, темнохвойных и широколиственных видов деревьев, а также лиственницы [8, 34, 46].

Большое значение в изменении структуры и состава растительного покрова продолжало играть скотоводство. В результате регулярного выпаса огромного поголовья скота, активного сенокоса, помимо регулярно возникавших низовых пожаров, лесные массивы в первую очередь лишались подроста темнохвойных и широколиственных видов. Особенно остро эта проблема проявлялась в изолированных лесных массивах лесостепи и подтайги. В таких лесах даже при снижении антропогенной нагрузки не могла восстановиться природная растительность, поскольку отсутствовали возможности для заноса семян древесных видов – эдификаторов.

Можно полагать, что именно эти три основные формы антропогенной трансформации менее чем за 300 лет привели к значительному сокращению лесистости лесостепной и подтаежной зон, общему сдвигу южной границы распространения лесов к северу, окончательному выпадению из состава лесов темнохвойных и широколиственных видов деревьев. На территории лесостепи сформировался слабо облесенный тип растительности, в котором среди деревьев абсолютно доминировали пионерные виды: береза и осина. Та же растительность составила основу подтайги, отличие заключалось лишь в более крупных сохранившихся лесных березово-осиновых массивах. Южно-таежная зона из-за повсеместного распространения болот не вошла в зону сплошного земледельческого освоения, однако, являясь пограничным районом, испытывала воздействие регулярных лесных пожаров, что привело к резкому снижению участия широколиственных древесных пород в темнохвойных лесах и практическому выпадению их из состава растительных сообществ.

Заключение. Расселение в XVII–XIX вв. по всей территории юга Западно-Сибирской равнины славянского крестьянского населения – носителей развитого производящего хозяйства привело к многократному увеличению частоты и интенсивности пожаров, интенсивным приисковым рубкам, значительному усилению воздействия домашнего скота и сенокоса на лесные сообщества. В результате этих процессов к концу XIX в. произошло резкое сокращение лесистости территории и выпадение из состава лесов боль-

шей части темнохвойных и широколиственных древесных пород. На юге Западно-Сибирской равнины сформировался растительный покров, который зачастую принимается за “коренной”, то есть предшествующий окончательной деградации в XX веке. В начале XX в. описания этого растительного покрова легли в основу его зонального широтно-климатического деления на степь, лесостепь (с подзонами), мелколиственную подтайгу и южную тайгу [12, 24]. Однако проведенный анализ позволяет предположить, что доминирующий фактор формирования этих подразделений не климатический, а антропогенный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абатулина С.Г., Зиновьев В.П.* Лесная промышленность Томской губернии (1861–1917 гг.) // Из истории Томской области. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. С. 3–15.
2. *Андреев Ю.А.* Влияние антропогенных и природных факторов на возникновение пожаров в лесах и населенных пунктах: Автореф. дис. ... д-ра техн. наук: 05.26.03: М.: Всероссийский НИИ противопожарной обороны, 2003. 45 с.
3. *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 267 с.
4. *Беликов Д.Н.* Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Томск: Типолитография М.И. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. 140 с.
5. *Бляхарчук Т.А.* История растительности юго-востока Западной Сибири в голоцене по данным спорово-пыльцевому и ботаническому анализу торфа: Автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.00.05: Томск, ТГУ, 1989. 17 с.
6. Болотные системы Западной Сибири и их природоохранное значение / Под. ред. В.Б. Куваева. Тула: Гриф и К, 2001. 584 с.
7. *Бочанова Г.А.* Промысловое освоение Сибири в конце XIX – начале XX в. (вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1985. С. 129–150.
8. *В.Э.* К вопросу о крестьянских лесах в Западной Сибири // Лесной журнал. 1887. Вып. 5. С. 606–613.
9. *Валендик Э.Н.* Экологические аспекты лесных пожаров в Сибири // Сибирский экологический журнал. 1996. № 1. С. 1–8.
10. *Власова И.В.* Источники для изучения земледельческого опыта русского населения Сибири XVII–XVIII вв. // Земледельческое освоение Сибири в

- конце XVII – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. пед. ин-та, 1985. С. 19–31.
11. *Гордягин А.Я.* Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири // Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казан. ун-те. 1901. Т. 35. Вып. 2. С. 1–528.
  12. *Городков Б.Н.* Опыт деления Западносибирской низменности на ботанико-географические области // Ежегодник Тобольск. губ. Музея. 1916. Вып. 27. С. 1–56.
  13. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
  14. *Жилина Т.Н.* Западная Сибирь в Малый ледниковый период (1550–1850 гг.): природа и русская колонизация: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.23: Томск: ТГУ, 2004. 19 с.
  15. *Ильина И.С., Лапина Е.И., Лавренко Н.Н.* Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1985. 251 с.
  16. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3. Л.: Наука, 1968. 532 с.
  17. Карта Западной Сибири с показанием лесов. М 1: 200 вер. // Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Типогр. Окружн. Штаба, 1882. 406 с.
  18. *Кауфман А.А.* Обзор способов полеводства и севооборотов в западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1893. № 6. С. 1–25.
  19. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983. 400 с.
  20. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 502 с.
  21. *Крылов Г.В.* Леса Западной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 255 с.
  22. *Крылов Г.В., Салатова Н.Г.* Леса Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1950. 176 с.
  23. *Крылов П.Н.* К вопросу о колебании границ между степной и лесной областями // Тр. Ботан. музея АН. 1915. Вып. 14. С. 89–96.
  24. *Крылов П.Н.* Очерк растительности Сибири // Стат. экон. бюл. 1919. № 17. С. 1–24.
  25. *Лапин Н.А.* Земледелие Западной Сибири в 1800–1860 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев: Наука, 1966. С. 483–493.
  26. *Левина Т.П., Орлова Л.А.* Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. 1993. Т. 34. № 3. С. 38–55.
  27. *Люцидарская А.А.* Освоение природных ландшафтов колонистами Сибири. Томский уезд. Начало XVIII столетия // Сибирская заимка, 2009. http://www.zaimka.ru/to_sun/luzidari.shtml
  28. *Миддендорф А.Ф.* Бараба // Записки Императорской академии наук: Приложение к т. 19. № 2. СПб., 1871. 123 с.
  29. Обзор Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1900 год. Тобольск: Губ. тип., 1901. 52 с.
  30. *Орлова Л.А.* Голоцен Барабы. Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. Новосибирск: Наука, 1990. 128 с.
  31. *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. 571 с.
  32. *Пронин В.И.* Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ин-та, 1985. С. 98–112.
  33. *Пьявченко Н.И.* О возрасте торфяников и сменах растительности на юге Западной Сибири в голоцене // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. 1985. № 52. С. 164–170.
  34. *Рубчевский В.Н.* Леса и население Завасюганья (Из путевых заметок лесничего). Томск: Тип. Губ. упр., 1909. 70 с.
  35. *Рябогина Н.Е.* Стратиграфия голоцена южного Зауралья, изменение ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис. ... канд. г.-м. наук: 25.00.02. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера, 2004. 16 с.
  36. *Соколов П.И.* Исторический ход развития систем земледелия в Западной Сибири. СПб.: Тип. В. Демакова, 1891. 15 с.
  37. Список населённых мест. Т. 60.: Тобольская губерния. По сведениям 1868–1869 годов. СПб.: Губ. тип., 1871. 196 с.
  38. *Строгий А.А.* О лесах Сибири. СПб.: Типография СПб Градоначальства. Измайловский полк, 1911. 109 с.
  39. *Танфильев Г.И.* Бараба и Кулундинская степь в пределах Алтайского округа // Труды геол. части кабинета. СПб., 1902. Т. 5. Вып. 2. С. 59–308.
  40. *Трипольский Л.* Опыты обращения лесных пространств в Сибири в с.х. уголья и необходимость правительственной помощи переселенцам в деле раскорчевки леса // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 144–145.
  41. *Туров С.В.* К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997. С. 140–148.
  42. *Фуряев В.В.* Роль пожаров в процессе лесообразования. Новосибирск: Наука, 1996. 252 с.

43. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.
44. Шенников А.А. Земледельческая неполная оседлость и “теория бродяжничества”// Этнография народов СССР. Л.: Наука, 1971. С. 76–93.
45. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Наука, 1956. 432 с.
46. Энгельфельд В.А. О лесах Западной Сибири. 1-е приложение к “Лесному журналу” за 1888 г. СПб., 1888. 71 с.
47. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горно-Алтайский округ // Зап. Сиб. отд. геогр. об-ва. Кн. 2. Омск, 1880. 147 с.
48. Dearing J.A., Battarbee R.W., Dikau R., Larocque I., Oldfield F. Human-environment interactions: towards synthesis and simulation // Reg. Environ. Change. 2006. №. 6. P. 115–123.
49. Foster D., Swanson F., Aber J., Burke I., Brokaw N., Tilman D., Knapp A. The importance of land-use legacies to ecology and conservation // BioScience. 2003. V. 53. №. 1. P. 77–88.

The Transformation of the Forest Cover in the West-Siberian Plain in the 17–19th Centuries Due to Its Settlement by Migrants

M. A. Kharitononkov

The modern advances of historical ecology clearly demonstrate an important role of traditional nature management in the structure and dynamics of the forest cover in different regions. The most intense influence on the forest cover in southern Western Siberia is referred to the time of peasant (Russian) colonization (17–19th centuries). A combined chronological analysis of available historical materials and data on the plant cover is presented; the main forms of anthropogenic transformation of the forest cover in the southern West-Siberian Plain in 17–19th centuries have been revealed. By the 19th century, fires and cutting of forests for agricultural purposes, pasturing and haying in forests have led to a considerable reduction of the forested areas in the forest-steppe and subtaiga, a shift of the southern forest boundary to the north, and removal of dark coniferous and broad-leaved woody species from the forest composition. In the southern taiga, regular catastrophic fires have drastically lowered a share of dark coniferous stands substituted for derivative birch forests.

Traditional utilization of nature, anthropogenic transformation of plant cover, West-Siberian plate, agrarian land reclamation.